Развитие и семантика колоронимов *көк* и *кёк* в казахском и алтайском языках *

М. Д. Абжапарова ¹, **Н. Н. Широбокова** ²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

Цель статьи – определить происхождение названия цвета *көк* / *кёк* в казахском и алтайском языках, проследить развитие данных лексем на общетюркском фоне, выявить особенности употребления цветообозначений. Исследование проведено на материале словарей казахского и алтайского языков, а также данных казахской и алтайской прозы. Для анализа работ были использованы историко-сопоставительный и описательный методы. В процессе исследования были выделены основные значения цветолексем *көк* ~ *кёк* в казахском и алтайском языках, из которых самыми частотными и в равной степени распространенными являются *синий*, *голубой*, *зеленый*, *серый*. На базе значения ‘зеленый’ сформировалось значение ‘неспелый, несозревший’ в обоих рассматриваемых языках. Значение ‘седой’ в алтайском языке используется при обозначении цвета волос, а в казахском – только бороды и усов. В большинстве случаев употребления данное значение встречается в возрастном контексте: в алтайском языке олицетворяет старость, в казахском – зрелый возраст. В этническом плане развития цветолексем *көк*/*кёк* рассмотрена специфичная функция – интенсификаторная. Она присутствует в обоих языках, с ее помощью усиливаются отрицательные характеристики данных цветолексем. Пример: каз. *көк жалқау* (букв.: синий ленивец), алт. *кёк тенек* (букв.: совершенный глупец). Более существенные различия проявляются во фразеологических единицах. В казахском языке лексема *көк* выступает как компонент во фразеологизмах, обозначающих худобу и изможденность человека, например: *көк жамбас* (букв.: синяя бедренная кость) 1) очень худой; 2) обессиленный от старости, немощный старик. В алтайском языке подобное употребление лексемы *кёк* не отмечается. Существуют различия и в переносном употреблении данных лексем в составе фразеологических единиц. В казахском языке это, как правило, либо выражение негативных значений, отрицательных эмоций, либо ассоциации, связанные с высотой, заветной мечтой; в алтайском языке, наоборот, сформировалось устойчивое значение интенсивности ‘совсем, совершенно’: *кёк ұлуш* (совершенно мокрый; букв.: синий мокрый). Сравнивая развитие и семантику цветолексем *көк* ~ *кёк* в двух языках, можно сделать вывод, что именно во фразеологических оборотах в наибольшей степени проявляется их специфичность. Это подтверждает способность фразеологических единиц и устойчивых сочетаний отражать связь лингвокультур народов мира и выступать в качестве истинных хранителей этносемантики.

Ключевые слова

цветообозначение, цветолексема, лингвистика цвета, лингвоцветовая картина мира; лингвокультурология, семантика цветообозначения

Для цитирования

Абжапарова М. Д., Широбокова Н. Н. Развитие и семантика колоронимов *көк* и *кёк* в казахском и алтайском языках // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 43–57. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-45-57

* Вклад М. Д. Абжапаровой составляет 70 %.

Development and Semantics of the Coloronyms *Kök* and *Kök* in Kazakh and Altaic Languages

Maiya D. Abzhaparova¹, Nataliya N. Shirobokova²

¹ Novosibirsk National Research State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The purpose of the article is to determine the origin of the color term *kök* / *kök* in the Kazakh and Altaic languages, to trace the development of these tokens in Turkic languages and cultures, and to identify their specific usage.

The research was conducted on the basis of the dictionaries of the Kazakh and Altaic languages as well as the samples from Kazakh and Altaic prose. A historical comparative and descriptive methods have been used.

The study highlighted the main meanings of the color designations *kök* ~ *kök* in the Kazakh and Altaic languages: blue, green and grey. They are equally common in the Kazakh and Altaic languages. Based on the meaning 'green' developed the meaning 'unripe'. As for the meaning 'gray-haired', in the Altaic language it is used to indicate the color of the hair, while in the Kazakh language – only a beard and mustaches. In general, this meaning is manifested in contexts related to age: in the Altaic language it is old age, in Kazakh – mature age. Further the article describes synonyms of color designation *kök* ~ *kök*. It has been shown that the color synonyms *kögildir*, *zengir* ('blue') are used only in the Kazakh language, in Altaic *kök* means both blue colors. In the Kazakh language comparison of the color with such natural objects as the sky, ice, and salt was found to be more developed, for example: *aspan (dai) kök* (lit.: like blue sky).

The paper presents an interesting function of color designation *kök* / *kök* which is intensification. It is observed in both languages; with the help of these tokens negative characteristics of the object are enhanced, for example: *kaz. kök zhalkau* (lit.: blue lazy – bones), *alt. kök tenek* (lit.: complete fool).

More significant differences are manifested in phraseological units, i. e. by further development of semantics in the languages. In the Kazakh language, the lexeme *kök* functions as a component in phraseological units, denoting thinness and emaciation of a person, for example: *kök jambas* (lit.: blue thigh) 1) very thin; 2) weak from old age, a feeble old man. In the Altaic language, such use of the lexeme *kök* has not been noted. In general, we can speak of rich idiomaticity of the color scheme *kök* in the Kazakh language in contrast to the Altaic language. There are also differences in the figurative use of these tokens in the structure of phraseological units: in Kazakh, these, as a rule, denote negative values, negative emotions, or associations with height, a cherished dream; in Altaic – they are used as the intensifiers 'quite, completely': *kök jylsh* (completely wet; lit.: blue wet).

Comparing the two languages, we came to the conclusion that their greatest specificity is observed in phraseological units, which confirms the ability of phraseological units and fixed word combinations to reflect an ethnic world view and to be true keepers of the culture of the people.

Keywords

color designation, color lexeme, color linguistics, linguo-color world view, linguoculturology, semantics of color designation

For citation

Abzhaparova, Maiya D., Shirobokova, Nataliya N. Development and Semantics of the Coloronyms *Kök* and *Kök* in Kazakh and Altaic Languages. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 45–57. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-45-57

Введение

Активное развитие в современной лингвистике таких направлений, как лингвокультурология и когнитивная лингвистика, позволило ученым исследовать факты языка в тесной связи с духовными ценностями этноса, его культурой и религией. Важную роль при этом играет изучение того, как именно носитель определенного языка воспринимает и концептуализирует действительность, какие факторы влияют на формирование картины мира определенного этноса.

Под цветом понимают одно из объективных свойств окружающей человека материальной среды, существующее независимо от сознания человека и его органов чувств и отражаемое в его сознании посредством зрительных ощущений [Бородина, Гак, 1979. С. 8].

Представляется естественным, что каждый человек должен видеть и воспринимать цвета одинаково, так как цвет формирует единое цветовое восприятие для всех людей, заключенное в зафиксированное научное понятие «цветовой спектр». Однако в разных культурах наблюдается различная языковая концентрация цветообозначений.

Над понятием цвета и системой цветообозначения работали многие ученые, от физиков до лингвистов, однако эта тема остается актуальной и в наши дни.

Согласно теории Б. Берлина и П. Кей, названия цветовых категорий появляются во всех языках в определенном порядке. Язык может включать 11 основных цветовых терминов, но есть и дополнительные [Berlin & Key, 1969]. Так, «единый» синий цвет обозначается в некоторых языках несколькими терминами. Например, в русском языке для «синего» имеется два основных термина – собственно синий (темного, насыщенного оттенка) и голубой (= синий светлого оттенка). В турецком же языке выделяется 12 основных цветов, поскольку синий и голубой цвета считаются разными лексемами – *lacivert* (темно-синий) и *mavi* (голубой) [Ozgen & Davies, 1998]. В словарях греческого языка синий и голубой цвета также имеют свои лексемы [Androulaki, 2006].

Отличительной особенностью тюркских языков является так называемый «тюркский дальтонизм», то есть обозначение одним словом *kök* таких цветов, как синий, голубой, зеленый, серый [Баскаков, 1952. С. 122]. К примеру, в славянских языках это самостоятельные цветолексемы. Но несмотря на то что «тюркский дальтонизм» является общетюркской чертой, это не означает, что состав цветообозначений и их речевое поведение во всех тюркских языках одинаковы. Данная статья показывает, что языки, входящие в одну языковую группу, могут иметь особенности в системах цветообозначений.

Экспериментально подтверждено, что цветовые категории не являются врожденными, а формируются под влиянием этнокультурного опыта и различных языков народов, населяющих нашу планету [Roberson, Davies, Davidoff, 2000].

Это влияние имеет комплексный характер. Анна Вежицкая, четверть века изучавшая проблему цвета и его обозначения, констатирует: «Концепт цвета действительно чрезвычайно сложный, и я не буду пытаться дать его толкование» [Вежицкая, 1997. С. 286]. Современные исследователи цветообозначений подчеркивают в этой связи, что цвет воспринимается в форме ощущений и что цветовые ощущения оформляются в разных языках по-разному. При этом, как утверждает А. Е. Бочкарев, «установить значимость того или иного цветообозначения можно с высокой степенью вероятности лишь при условии знания условий употребления» [Бочкарев, 2017. С. 45]. Такое поведение колоронимов усложняет их классификацию и подталкивает некоторых исследователей вводить понятие квазицвета (см. [Масевич, Захаров, 2019]). К понятию «квазицвет» относятся слова «темный», «светлый», «бледный», «пестрый» и др., которые означают не цвет, а его интенсивность или комбинацию цветов. Например, каз. *ашық аспан* (букв.: ясное небо), *көкжал* (букв.: сизый залив), алт. *көк үлүш* (букв.: синий от холода).

Обозначение одним словом *kök* ~ *gök* нескольких цветов от синей части спектра с переходом к его желтой части («зеленый»), которые в современных тюркских языках имеют свои названия, стало общетюркской чертой [Сапига, 2016. С. 190].

В современной лингвистике цветообозначения изучаются в разных направлениях и аспектах: историческом, лексико-семантическом, грамматическом, сопоставительном, когнитивном, функциональном, психолингвистическом и др. [Берлин, Кей, 1969; Бахилина, 1975; Норманская, 2005; Кезина, 2008; Дхушхинова, 2013; Бачаева, 2015 и др.]. Одним из новых направлений в лингвистике цветообозначений стала корпусная лингвистика. В 2019 году была опубликована обширная статья В. П. Захарова и А. Ц. Масевича, в которой авторы исследуют корпусные массивы данных на предмет выявления особенностей частотного поведения прилагательных цвета в русских поэтических текстах XIX и XX веков [Масевич, Захаров, 2019. С. 21–48].

В тюркологии цветообозначения также исследовались и продолжают исследоваться в лексическом, сравнительно-историческом и др. аспектах [Кононов, 1978; Габышева, 1984; Кормушин, 2001; Майзина, 2006; Жаркынбекова, 2011; Саматов, 2016 и др.]. В настоящее время в связи с повышенным вниманием к межкультурной проблематике важное значение приобрел этнолингвистический и этнокультурный аспект. Интересна в этом плане опубликованная в текущем году работа Е. Н. Афанасьевой, в которой автор исследует семантику цветообозначений якутского языка в сопоставлении с южносибирскими и тунгусо-маньчжурскими языками, а также определяет их культурно-исторические взаимосвязи [Афанасьева, 2020. С. 45–56].

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью цветолексем как в сравнительно-сопоставительном аспекте, так и в плане коннотативных компонентов их семантики в казахском и алтайском языках. Новизна работы заключается в том, что впервые формирование, развитие и семантика цветообозначений рассматриваются на общетюркском фоне: показываются лексико-семантические соответствия в родственных тюркских языках на основе материала словарей и художественной литературы.

В работе показано, как в разных языках кыпчакской группы в обозначении цвета сформировались свои характерные особенности. Данное исследование направлено на раскрытие таких вопросов, как: 1) определение происхождения колоронимов *kөк* / *kök* в казахском и алтайском языках; 2) анализ развития данных лексем на общетюркском фоне; 3) выявление этнокультурных особенностей употребления указанных цветообозначений.

Источниками примеров для выявления специфики семантики употребления колоронимов послужили словари казахского и алтайского языков, а их речевое поведение изучалось по данным корпуса казахской и алтайской прозы.

Развитие семантики синего цвета в языках тюркских народов

С исторической точки зрения основные цветообозначения в тюркских языках (*aq* ‘белый’, *qara* ‘черный’, *kök* ‘синий’, ‘зеленый’, *qizil* ‘красный’, *sariy* ‘желтый’, *jaşıl* ‘зеленый’) являются общетюркскими, что подтверждается данными древнетюркских памятников.

Синий цвет у многих народов мира наделяется высоким переносным значением: он символизирует вечность и бесконечность, истину и веру, преданность, чистоту и целомудрие, духовную и интеллектуальную жизнь.

У тюркских народов синий цвет также издревле считался символом верности, вечности и постоянства. Тюркский колороним *kök* – в физическом аспекте цвет неба и травы – ассоциировался кроме того с божественной субстанцией, с прародителем рода. Значения ‘голубой, синий, сизый’ выявляются у слова *kök* абсолютно во всех древнетюркских памятниках. Его семантическая структура изучена в лингвистике уже достаточно подробно.

Рассмотрим дефиниции ключевого слова *kök* нескольких авторов, которые по-разному представляют себе последовательность появления производных (прямых и переносных) значений у исследуемого слова.

А. Н. Кононов отмечал, что *kök* «в современных тюркских языках известно преимущественно в следующих значениях: 1) ‘синий’, ‘голубой’, ‘лазурный’, ‘светло-зеленый’, ‘сизый’, ‘небесного цвета’, ‘цвет молодой зелени’, ‘серый’, ‘сивый’; 2) ‘небо’, ‘молодая трава’, ‘зелень’, ‘луг’; 3) Бог (алт.)» [Кононов, 1978. С. 172].

Э. В. Севортян в «Этимологическом словаре тюркских языков» выделил следующие значения *kök* (*gök*): «1) ‘небо’; 2) ‘голубой’, ‘лазурный’, ‘лазорево-синий’, ‘небесный’, ‘темно-синий’, ‘темно-голубой’; 3) ‘зеленый’, 4) ‘незрелый’; 5) ‘цвет молодой зелени’, ‘молодая трава’, ‘зелень’, ‘луг’; 6) ‘серый’, ‘сизый’, ‘сивый’ ‘чалый’, ‘седой’; 7) ‘багровый’, ‘черный’, ‘ночь’; 8) Бог» [Севортян, 1974. С. 67].

У Ж. Таниевой выделены следующие значения, их иерархия отличается от предыдущих: 1) небо; 2) зеленый, синий или голубой цвет; 3) трава, зелень; 4) серый (о масти лошади); 5) Бог; 6) свободный, вольный [Таниева, 2010. С. 164].

Авторы исследования «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» представляют развитие семантики *kök* как результат метонимического переноса. Механизм его действия таков: «Данное слово первоначально имело адъективную семантику и обозначало нерасчлененный участок спектра “зеленый – голубой – синий” с целым рядом неярких оттенков преимущественно голубого цвета: ‘синий’, ‘сизый’, ‘серый’. От каждого из основных “цветов” путем метонимического переноса образовались субстантиваты: ‘зеленый’ → ‘зелень’, ‘голубой’ → ‘небо’, ‘синий’ → ‘траурная одежда’» [СИГТЯ, 2001. С. 604].

Действительно, данные значения слова с адъективной семантикой *kök* и его субстантиваты, кроме ‘траурная одежда’, присутствуют в казахском и алтайском языках и определяются в контексте.

По мнению же К. М. Мусаева, процесс дифференциации шел в обратном направлении: в общетюркский период первичным значением слова *kök* было ‘небо’, но затем данная лексема стала обозначать различные краски неба – синие, голубые, серые, зеленые оттенки, т. е. произошла трансформация из существительного в прилагательное [Мусаев, 1996. С. 173].

В представлении древних тюрков небо отождествлялось с Богом, поэтому слово *kök* употреблялось ими в значении ‘небесная сила’, ‘Создатель’. Примером в казахском языке выступают некоторые образно-экспрессивные выражения: *Көкпен тілдесті* (букв.: разговаривал с Создателем), *Көктен сурағаны жерден табылды* (букв.: то, что просил у небесных сил, нашлось на земле). В современном алтайском языке слово *kök* сохранило значение ‘Бог’ и в наши дни: *Ўстимде турган Көк, үрүс берген. Жайаачы!* (ЖК, КТ, с. 45) ‘Бог, находящийся надо мной, Творец, давший благословение!’

Языковая реализация цветообозначения ‘*kök*’ в алтайском и казахском языках

Сравнительное изучение способов обозначения цвета в разных языках – одна из традиционных тем в лингвистике. На примере цветообозначения ‘*kök*’ в алтайском и казахском языках можно убедиться, что цвет в обоих языках имеет свои особенности. Наименования окрасок составляют в каждом языке сложную систему и обнаруживают показательные расхождения. На примере казахского и алтайского языков можно увидеть, что эти расхождения касаются как выделения цветов, так и способов их обозначения.

1. СИННИЙ, ГОЛУБОЙ. В данном значении лексема каз. *kök* ~ алт. *kök* обладает широкой сочетаемостью в обоих языках. Она употребляется в отношении природных объектов и явлений, различных предметов: каз. *kök аспан* ‘синее небо’, *kök қашықтық* ‘голубая даль’, *kök күмбездер* ‘голубые купола’ в казахском языке; алт. *kök чечек* ‘синий (голубой) цветок’, *kök талайы* ‘синее море’ и др.

Однако для определения светлых оттенков глаз слово *kök* используется только в казахском языке; в алтайском языке таких примеров не найдено: *kök көз* ‘голубые глаза’, *көкпеңбек көз* ‘небесно-голубые глаза’, *тұздай көк көз* ‘глаза цвета морской соли’. В данных адъективных словосочетаниях слово *kök* указывает на светлый оттенок предмета описания, причем понятие *светлый* маркировано этнокультурно иначе, чем в русском языке: например, серые, зеленоватые глаза в алтайском тоже могут называться *kök көз*, а сочетание *жасыл көз* (букв.: ‘зеленые глаза’) вовсе не употребляется. Например: *Ашаң жүзді, таңқы танау, көк көзді, өзін Сергей Сергеевич деп таныстырды* (ВШ, Б.154) ‘Сергей Сергеевич, так он представился, с художавым лицом, курносый, **небесно-голубыми глазами**’. *Ал мына бойжеткен тұздай көк көзімен көрмегендей сыңай танытады*. (ӨР, Қ. 3) – ‘А вот эта девушка с глазами цвета морской соли делает вид, что не замечает’.

В отличие от русского языка, в казахском сочетание *kök көз* ‘голубые глаза’ несет несколько отрицательную эмоционально-оценочную характеристику, тогда как признаком красоты у казахов, как и у многих тюркских народов, являются *қара көз* ‘черные глаза’.

2. ЗЕЛЕННЫЙ. В значении ‘зеленый’ *kök* ~ *kök* передает цвет молодой травы и растений: каз. *kök жайлау* ‘зеленый джайлау’ и *kök өлөн* ‘зеленая трава’: каз. *Алдына ең таза бидай*

жемі, **көк балауса шөп** салғанмен, өкірген дауыс бір тыйылмады (ҚТ, СБ, 3) ‘Но несмотря на то что перед ней был поставлен самый чистый пшеничный корм, **сочная трава**, ревущий голос [коровы] ни разу не утихал’; **Көк жаланның** өлөңі / *Көк билдирлү мандыкты* (ААК, 53) ‘На **зеленом поле** трава, / Как **зеленый шёлк**’. В казахском языке зелень, овощи обозначаются также словом *көк*, например, производное *көкөніс* означает ‘овощи’.

3. СЕРЫЙ. В сравниваемых языках у лексемы *көк* ~ *көк* выделяется значение ‘серый’. В этом значении *көк* употребляется, в первую очередь, для обозначения масти животных: каз. *көк ат* ‘сивый конь’; алт. *көк ийнек* ‘серая корова’. При этом *көк* ~ *көк* не имеет ведущей роли в наименовании масти животных, так как в этой функции чаще употребляются прилагательные каз. *сұр* и алт. *боро*.

4. НЕСПЕЛЫЙ, НЕСОЗРЕВШИЙ. В сопоставляемых языках на базе значения ‘зеленый’ возникло значение ‘неспелый, незрелый’: каз. *көк түйнек* (букв.: зеленый зародыш растения) ‘неспелый’; *көк арпа* ‘зеленый (неспелый) ячмень’. Например: *Әлі піспеген, көк түйнек қарбыздың дәмі де кірмеген* (РЕ, АА, 3) ‘У еще **неспелого арбуза** и вкуса нет’. *Жетіре бышпаған көк арбаның чарағы сүрекей жылымзу болор ине* (АА, УБТ, 26) ‘Зерно еще **незрелого, неспелого ячменя** бывает довольно сладковатым’.

В алтайском языке *көк* имеет также значение ‘седой’: *көк башту кижі* ‘человек с седыми, пепельного цвета волосами’ (букв.: с седой головой человек). В казахском же *көк* ‘сивый, седеющий’ используется только в отношении растительности на лице (усы, борода): *Ишарат етсеңіз мен сөйлейін, – деді көріпкел көк сақал шал*. (ББ, ФК, 15) ‘Позвольте, я скажу, – сказал старик **с бородой с проседью**. При этом фразеологизованное сочетание **көк сақал** является этномаркированным и включает сему ‘возраст’, обозначая мужчину с седеющей бородой, среднего возраста. Об устойчивости этого сочетания говорит отсутствие аффикса обладания =лы (*көк сақал шал* ‘с бородой старик’), что нехарактерно для свободных сочетаний в казахском языке. Признак *көк* ‘сивый, седеющий’ ассоциируется также и со зрелостью, опытом. Ср. также: *көкжал* (букв.: сивая холка) 1) матерый (*волк*); 2) *перен.* опытный, бывалый (*о человеке*) [КРС, 2008. С. 419].

Отличительные черты цветообозначения *көк* ~ *көк* в казахском и алтайском языках

К отличительным чертам цветообозначения *көк* ~ *көк* в казахском и алтайском языках можно отнести такие признаки, как синонимия, сравнение и интенсификаторы.

СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД. Наряду с прямым значением ‘синий’ в казахском образуется синонимический ряд, когда семантика каждой лексемы-прилагательного немного дифференцируется в зависимости от контекста, соответственно адаптируя свои признаки [12. С. 38]. В казахском языке *жасыл* употребляется для описания зелени; *көгілдір* – в описании неба, воды; *зеңгір* в описании гор, неба, высоты. Например, *Жасыл көк судың түбінде алтын түстес айқыш-ұйқыш сәулелер ойнады*. (ШМ, Т, 176) ‘На дне зеленой и голубой воды играли золотистые затейливые лучи’. *Көгілдір аспан, Көгілдір теңіз*. (АӨ, КК, 342) ‘**Голубое небо, Голубое море**’. *Бар еді бір зеңгір тау асқан биік, Әр түрлі мекен еткен аңдар сүйін*. (АБ, М, 80). ‘Была **самая голубая, высокая гора** возвышающаяся выше всех, Обитали разные звери, её облюбовав’. Такие словосочетания являются равнозначными, так как помимо взаимозаменяемости в данном контексте они обладают значениями, толкование которых согласно словарным дефинициям совпадает.

В алтайском языке, в отличие от казахского, синонимическая дифференциация типа «*көгілдір*», «*зеңгір*» отсутствует, а прилагательное *көк* передает как синий, так и голубой цвет.

СРАВНЕНИЕ. Достаточно часто для передачи цвета чего-либо в казахском языке используются сравнения с природными объектами: *аспан(дай) көк* (букв.: как небо синий), *мұздай қара көк* (букв.: как лед темно-синий), *тұздай көк* (букв.: синий как соль), *көктемнің*

көгиндей (букв.: зеленый как цвет весны). Для алтайского языка эта фигура речи не является характерной.

Использование көк / көк для характеристики волка имеет место и в казахском, и в алтайском языках. В алтайском языке это переносное значение, реализует значения ‘сила, бесстрашие, молодость’: көк бөрө (букв.: седой волк) ‘сильный’; в казахском языке словосочетание көк бөрі (букв.: седой волк) имеет значение ‘злой’, ‘властный’, ‘дерзкий’.

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ. В казахском и алтайском языках слово көк / көк, как и некоторые другие цветообозначения (ақ, қара), выступает в качестве интенсификатора. Интенсивность значения определяется нами в данном случае по Б. И. Татаринцеву, который рассматривает интенсивность как «отраженное в сознании и закрепленное в значении представление о высокой степени проявления действия, явления, признака предмета, лица» [Лукьянова, 2015. С. 108–109].

В казахском и алтайском языках лексема көк ~ көк часто усиливает отрицательную эмоциональную окраску или качество предмета: каз. көк жалқау (букв.: синий ленивец) ‘очень ленивый’, көк мылжың (букв.: синий болтун) ‘слишком болтливый’, көк долы (букв.: синяя стерва) ‘стервозная’; алт. көк төгүнчи (букв.: синий лгун) ‘наглый лжец’, көк ұлұш (букв.: синий мокрый) ‘совершенно мокрый’, көк жүлгек (букв.: синий сумасшедший) ‘совсем чокнутый’. Например: Бәрің көк жалқау боп біткенсіңдер... (ДИ, М, 9) ‘Все вы стали **очень ленивыми**...’; Кемпір кете салысымен көк долы келіннің аузынан ақ ит кіріп, көк ит шықты (Баков, 57) ‘После того, как бабка ушла, **стервозная** невестка заскандалила’; алт. Көк тенеке – көлөткөзіле кожо согушкан ‘Совершенный глупец – дрался со своей тенью’ (БУ, АСҮ, 109); Айдарда, мен слердин алдаарга көк төгүнчи болуп калдым ба? ‘Итак, я перед вами оказался **бессовестным лгуном**?’ (БУ, Т, 72); Сабу турала, көк ұлұш кижи калтырып, ыйлап туру, айлы жаар базып ийди ‘Сабу встал, совершенно мокрый человек, дрожа от холода, всхлипывая, направился домой’ (ЖК, АҮӨ, 67).

Перечисленные значения являются общими для казахского и алтайского языков с некоторыми различиями в сочетаемости. В казахском языке көк выполняет роль интенсификатора при существительных, обозначающих природные явления: көк аяз ‘сильный мороз’, көксіреу мұз ‘толстый, затвердевший лед’, көк тайгақ ‘скользкий лед’, көк мұздақ ‘гололедица’, көк дауыл ‘сильный ураган, шторм’, көк нөсер ‘сильный дождь, ливень, көк көкішіл ‘густой туман’. Например: Қасат қар емес, қиялаган көксіреу мұз (АА, А, 153) ‘Не затвердевший снежный сугроб, а **толстый, затвердевший лед**’. Еліміздің бірнеше аймағында бұрқасын, көк тайғақ, тұман болады www/kaz.nur.kz ‘В нескольких регионах страны будет метель, **гололед**, туман’.

Более существенные различия проявляются во фразеологических единицах (ФЕ), т. е. на продвинутых этапах развития семантики слова в данных языках.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ И УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ. Большую часть особенностей в двух сравниваемых языках нам показывают ФЕ, и эта констатация важна в сравнительном этнокультурном плане, потому что именно фразеологические обороты наиболее явным способом отражают культурные ценности народа.

В казахском и алтайском языках также наблюдаются различия в устойчивых эталонных сравнениях.

В казахском языке лексема көк выступает как компонент во фразеологизмах, обозначающих худобу и изможденность человека: көк жамбас (букв.: синяя бедренная кость) 1) очень худой; 2) обессиленный от старости, немощный старик; көк қарын (букв.: синий живот) ‘тощий’; көк жұлын бол (букв.: синий спинной мозг стать) ‘совершенно обессилеть’ и фразеологизмы с этим же значением: көк желке бол (букв.: синий затылок стать), көк иық бол (букв.: синее плечо стать). Например: Өңкей көк жасық, көк қарындарды не істемекеің? ‘Что же делать с таким **очень худым и немощным**?’ (АТ, 268). В то же время сочетание көк мойын (букв.: синяя / голубая шея) обозначает красивую шею девушки, видимо, описывая прозрачность кожи, ее тонкость и просвечивающие вены [Тюнтешева, 2006. С. 93].

В алтайском языке подобное употребление лексемы *көк* не отмечается.

Синий оттенок кожи, который описывают ФЕ казахского и алтайского языка, может быть, конечно, вызван побоями или сильным обморожением. Но следует отметить, что только в казахском языке от первичного значения ‘синеть’ произошли и другие глагольные семантически производные выражения: *қол – аяғы көгеру* (букв.: рука – ноги посинеть) ‘посинели конечности’, *өліктей көгеру* (букв.: как покойник посинеть) ‘посинеть как покойник’ [Коньров, 1985. С. 136]. Например: *Ұйқы безіне шалдыққан адамның өңі қашып, қол-аяғы көгерге бастайды*. (ДБ, 9) ‘У человека, страдающего поджелудочной железой, бледнеет кожа, руки-ноги начинают синеть’. *Төртіншісінің түрі құқылдау көрінген соң оны: Өліктей көгерген, сырықтай сидиган! – деп шенейді* (АГ, Е, 41). ‘После того, как четвертый, оказался очень бледным: – Посинел как покойник, длинный, как жердь! – задевает колкостями’.

Более того, глаголы *көгеру* ‘синеть’, *көгерге сұрлану* ‘позеленеть от злости’ ассоциируются с описаниями таких эмоций, как злость, волнение, раздражение. Например: *Тазша төбесінен жай түскендей көгеріп кетті*. (РБ, <https://abai.kz/post/99517>) ‘Тазша **посинел**, будто молния ударила по нему’. ... *қуанып тұрған Қыранбайдың жүзі кенет қуарып, қаны ққашып, көгерге сұрлану кетті*. (ЖШ, А, 6) ‘... до этого радостное и улыбающееся лицо Кыранбая **позеленело** от злости’.

Переносное значение *көзін көгерту* (букв.: делать глаза синими) в сочетании с глаголом выражает ‘намеренно заставлять кого-то долго ждать’, ‘причинять боль, долго мучить’. Например: *Тағыда көзі көгерді ау деймін*. (АБ, <https://woman.bugin.kz/2433-kara-kurayki>) ‘Помоему, опять пришлось **долго ждать**’.

Помимо побоев, отрицательных эмоций, таких как гнев, злость, мучения, в казахском языке имеются ФЕ, интерпретирующие угрозы и проклятья, в составе которых употребляется лексема *көк*: *көк түйнек келгір!* (букв.: синий зародыш прибыл) ‘чтоб тебя заворот кишок скрутил’, *көк шешек шыққыр!* (букв.: вышла синяя оспа) ‘чтоб на тебя оспа напала!’ Примеры: «*Қырғын келгір, көк түйнек келгір!*» деп бір әйелдің шаптыққан даусы шықты. (БМ, ББ, 241) ‘Да нападёт на тебя мор, чтоб тебя **заворот кишок** скрутил!’. *Балдір сонда жүргенде, қой лағып жөніне кетеді, көк шешек келгір, бір серкенің қырсығы*. (ЗШ, СБ, 109). ‘Пока Балдир был там, овцы ушли неизвестно куда, чтоб на тебя **оспа** напала, это все из-за вредности одного упряма’.

Однако на фоне всех негативных значений, которые были упомянуты выше, в казахском языке встречаются сравнения, содержащие глаголы, производные от лексемы *көк* и ассоциирующиеся с высотой, заветной мечтой, например: *көкте тұрған жұлдыз* (букв.: звезда на небе) ‘несбыточная мечта’, *көкке көтеру* ‘расхваливать, превозносить до небес кого-л’, *көкке жетті* ‘поднялся до небес’, ‘сильно порадовался’ [Жаркынбекова, 2011. С. 155]. В алтайском корпусе таких сравнений не наблюдается.

В алтайском языке лексема *көк* в составе фразеологических единиц в одних случаях выражает реальный синий цвет, а в других, выполняя роль интенсификатора, означает степень проявления признака, интенсивность, соответствующие семантике русских единиц ‘совсем, совершенно’ [Майзина, 2006. С. 190]. Например: *Көк ұлұш* (совершенно мокрый; букв.: синий мокрый): *Сабу турала, көк ұлұш кижі калтырып, ыйлап туру, айлы жаар базып ийди*. ‘Сабу встал, **совершенно мокрый** человек, дрожа от холода, всхлипывая, направился домой’ (ЖК, АЛӨ, 67). *Көк тенек* (очень глупый; букв.: синий глупец): *Көк тенек – көлөткөзіле кожо соғушкан ‘Очень глупый’ дрался со своей тенью* (БУ, АСҰ, 109).

Из приведенной ниже таблицы видно, что цветообозначение *көк / көк* в значении ‘седой’, ‘мокрый’ встречается в алтайском языке, но не употребляется в казахском языке. Зато интенсификация природных явлений и большинство ФЕ, характеризующих человека, выявлены только в казахском языке.

Семантика цветолексемы көк / көк в казахском и алтайском языках
Semantics of the көк / көк color designation in Kazakh and Altaic languages

№ п/п	Лексическое значение Lexical meaning	Казахский язык Kazakh language көк	Алтайский язык Altaic language көк
1	‘синий’	+	+
2	‘зеленый’	+	+
3	‘серый, сивый, сизый’	+	+
4	‘неспелый’	+	+
5	‘небо, небосвод, высь’	+	+
6	‘седой’	–	+
7	‘сильный мороз’, ‘гололедица’, ‘густой туман’ (природные явления)	+	–
8	‘ленивый’	+	+
9	‘болтливый’	+	–
10	‘скандальный’	+	–
11	‘мокрый’	–	+
12	‘совсем, ‘совершенно’	–	+

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что цветолексема көк ~ көк с базовым значением ‘синий’ является общетюркской. Это подтверждается тем, что в казахском и алтайском языках лексема имеет одну и ту же основу, этимологические значения совпадают, несмотря на то что среди исследователей ключевой цветолексемы көк нет единого мнения и они по-разному представляют себе последовательность появления производных (прямых и переносных) значений у данного слова. Порядок расположения аналогичных значений в толковых словарях алтайского и казахского тоже различается, хоть и не принципиально. Иными словами, значения цветолексемы көк ранжируются в истории лексической эволюции тюркских языков по-разному, и единого мнения на этот счет еще нет.

Если говорить о цветолексеме көк ~ көк с базовым значением ‘синий’, на примере которой мы показали национально-культурную специфику казахов и алтайцев, то на первый план выступает субъективный фактор, неотделимый от культуры в широком смысле, так как фразеологические единицы четко зафиксированы в сознании носителей языка и являются относительно устойчивыми.

В качестве выявленных различий можно отметить, что в казахском языке лексема көк в составе устойчивых сочетаний выполняет функцию усиления выражаемого признака (интенсивность) и довольно часто – с отрицательной оценкой, в то время как в алтайском языке лексема в составе устойчивых сочетаний представлена другими значениями – «совсем, совершенно, абсолютно».

Дополнительно следует отметить, что в алтайском языке цветолексема көк также передает значение ‘седой’, в казахском же языке – нет.

Общей чертой в казахском и алтайском языках является то, что лексема көк ~ көк может передавать синий, голубой, зеленый цвета.

Сравнивая два языка, мы пришли к выводу, что именно во фразеологических оборотах наблюдается наибольшая специфичность, что подтверждает способность фразеологических единиц и устойчивых сочетаний отражать связь с картиной мира и являться истинными хранителями культуры народа.

Список литературы

- Афанасьева Е. Н.** Развитие семантики цветообозначений үрүн и манган в якутском языке как свидетельство языковых контактов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 20, № 1. С. 45–56.
- Баскаков Н. А.** К вопросу о классификации тюркских языков // Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка. 1952. Т. 11, вып. 2. С. 121–134.
- Бородин М. А., Гак В. Г.** К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка). Л., 1979. 232 с.
- Бочкарев А. Е.** О цветовых обозначениях чувств и эмоций в русском языковом сознании // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 4. С. 43–50.
- Вежбицкая А.** Язык, культура, познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
- Жаркынбекова Ш. К.** Цвет – сознание – менталитет: реконструкция цветовой картины мира в казахской и русской лингвокультурах. Астана, 2011. 187 с.
- Кононов А. Н.** Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975. М.: Наука, 1978.
- Коньров Т. К.** Структурно-семантическая природа сравнения в казахском языке: Учеб. пособие. Алма-Ата: Мектеп, 1985. 234 с.
- Лукьянова Н. А.** Толково-исторический «Словарь русского языка XI–XVII вв.» как источник изучения экспрессивной лексики // Круги времен. М.: Индрик, 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 107–120.
- Масевич А. Ц., Захаров В. П.** Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 21–48.
- Майзина А. Н.** Семантическое поле цветообозначений алтайского языка в сопоставлении с монгольским языком: Дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2006. 208 с.
- Мусаев К.** Пратюркские названия неба // 90 лет Н. А. Баскакову. *Studia philologica* РАН ИЯ. М., 1996. С. 169–179.
- Сапига Е. В.** Цветообозначения в современной лингвистике: семантический и семиотический аспекты // Образование и педагогические науки. 2016. № 2. С. 190–198.
- Севортян Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. 349 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркского языка. Лексика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Таниева Ж.** Символика цвета как носитель культурных кодов // Простор. 2010. № 5. С. 162–164.
- Тюнтешева Е. В., Широбокова Н. Н., Колосова Т. А., Селютин И. Я.** Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). Новосибирск: Любава, 2006. 183 с.
- Androulaki, A., Gomez-Pestaca, N., Mitsakis, C., Lillo Jover, J., Coventry, K., Davies, I.** Basic colour terms in Modern Greek: Twelve terms including two blues. *Journal of Greek Linguistics*, 2006, vol. 7/1, p. 3–47.
- Berlin, B., Kay, P.** Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley, University of California Press, 1969.
- Ozgen, E., Davies, I. R.** Turkish color terms: tests of Berlin and Kay's theory of color universals and linguistic relativity. *Linguistics*, 1998, vol. 36/5, p. 919–956.
- Roberson, D., Davies, I., Davidoff, J.** Color categories are not universal: replications and new evidence from a stone-age culture. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2000, vol. 129 (3), p. 369–398.

Список источников

ЖК, КТ – Т. Каинчин. Карган тыт. Горно-Алтайск, 1994.

- ВШ, Б – В. Шукшин, «Бажалар» әңгімесі. Әлемдік классика. В. Шукшин. «Село тұрғындары», Әңгімелер жинағы. Орыс тілінен аударған Ж. Алтайбаев, Астана, 2011. Астана, «Аударма» баспасы.
- ӨР, Қ – «Жас Алаш» газеті, 06.11.2019. Ә. Рахат, «Қара мысықтың қожайыны» әңгімесі.
- ҚТ, СБ – «Жас Алаш» газеті, 17.09.2018. Қ.Түменбай, «Сиырдың бөлмесі» әңгімесі.
- ААК АКК – Алтайский кеп кууучындар. Алтайская литература. Учебник для 5-го класса. Горно-Алтайск, 1995.
- Р. Ескендір «Бар болсаң, халқына пайдаң тисін!» мақаласы, «Алматы ақшамы» газеті, № 64 (4938) 24 мамыр 2014 жыл.
- АА, УБТ – А. Адаров. Уча берген турналар. Горно-Алтайск, 1980.
- ББ, ҒК, 15 – «Minber» порталы, 25.05.2013. Б. Бәмішұлы, «Ғашықтық құпиясы» әңгімесі; URL: <https://www.minber.kz/2013/05/baqytbek-bamishuly-gashyqtyq-quriyasy/>.
- ШМ, Т – Ш. Мұртаза.Таңдамалы. Әңгімелері, хикаяттары, мақалалары, роман, пьесалары. Алматы, «Айғаным» баспа үйі, 2017. «Шағалалар қайда ұйықтайды» әңгімесі, 176 бет
- АӨ, КК – А. Өтегенов, «Көгілдір көктем...» өлеңі
- АБ, М – А. Байтұрсынұлы, «Маса». Өлеңдер мен көсемсөздер. Алматы, «Раритет» баспасы, 2005. «Арыстан, киік, һәм түлкі» өлеңі.
- ДИ, М 9 – Д. Исабеков, «Туралықтың туы еді ол» мақаласы, 9 бет
- Баков «Жылан улы әйел» әңгімесі.
- БС, АСҰ – Б. Суркашев. Алтайский совет, улгерлик. Горно-Алтайск, 1987.
- БУ, Т – Б. Укачин Туулар туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.
- ЖК, АҰӨ – Ж. Каинчин. Айлыбыс жаныс өзөктө. Алтайск, 1984.
- АА, А – А. Алтай. Казино. Алматы, «Атамұра» баспасы, 2008. Альпинист әңгімесі www.kaz.nur.kz 2017-12-24 басты жаңалықтар.
- АТ – А. Тоқмағамбетов «Құлақ пен тымақ».
- ДБ – Д.Байырханова «Ұйқы безінің қабынуы неден болады?» мақаласы. «Денсаулық» журналы, 2013. № 1.
- АГ, Е – Ағайынды Гриммдер. Ертегілер. Алматы, «Аруна» баспасы, 2012. «Шымшасақал король» ертегісі.
- РЫ – Риза Ысқақ, «Үзілмеген үміт» әңгімесі. «АБАІ.kz» ақпараттық порталы, 22.10.2019. URL: <https://abai.kz/post/99517>.
- ЖШ, А – Ж. Шыныбеков, «Аттан, менің көршім жалған ақша жасап жатыр!» әңгіме орнына, «Алматы Ақшамы» газеті, 27.05.2016.
- АБ, Қ – А. Бақытжанқызы, «Қиялдан туған шындығым...» әңгімесі, 27.02.2019 URL: woman.bugin.kz/2433-kara-kupayki.
- БМ, ББ – Б. Майлин, Көп томдық шығармалар жинағы. 1 том. Әңгімелер. Алматы. «Қазығұрт» баспасы, 2003. «Баянсыз бақ» әңгімесі.
- ЗШ, СБ – З. Шүкіров, «Сыр бойы». Тарихи роман. 1 том. Алматы, «Қайнар» баспасы, 2006. «Соңғы тұяқ» әңгімесі.
- ЖК, АҰӨ – ЖК, АҰӨ Ж. Каинчин. Айлыбыс жаныс өзөктө. Алтайск, 1984.

References

- Afanaseva, E. N.** Development of Semantics of Colour Terms *ырғын* and *маған* in the Yakut Language as Evidence of Language Contacts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 20, no. 1, p. 45–56. (in Russ.)
- Androulaki, A., Gomez-Pestaca, N., Mitsakis, C., Lillo Jover, J., Coventry, K., Davies, I.** Basic colour terms in Modern Greek: Twelve terms including two blues. *Journal of Greek Linguistics*, 2006, vol. 7/1, p. 3–47.
- Baskakov, N. A.** On the classification of Turkic languages. *Dep. of literature and language*, 1952, vol. 11, iss. 2. p. 121–134. (in Russ.)

- Berlin, B., Kay, P.** Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley, University of California Press, 1969.
- Bochkarev, A. E.** Color terms of feelings and emotions in the Russian language consciousness. *Vestnik NSU. Series Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 4, p. 43–50. (in Russ.)
- Borodina, M. A., Gak, V. G.** To the typology and methodology of historical and semantic research (based on French vocabulary). L., 1979, 232 p. (in Russ.)
- Comparative historical grammar of the Turkic language. Vocabulary. Ed. by E. R. Tenishev. 2nd ed., ext. Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (in Russ.)
- Kononov, A. N.** Color semantics in Turkic languages. Turkological collection 1975. Moscow, 1978. (in Russ.)
- Konyrov, T. K.** Structural and semantic nature of comparison in the Kazakh language: textbook. Alma-Ata, Mektep, 1985, 234 p. (in Russ.)
- Lukyanova, N. A.** Explanatory-historical “Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries” as a source for the study of expressive vocabulary. In: *Circles of time*. Moscow, Indrik, 2015, vol. 2: Research. Initiations and memories, p. 107–120. (in Russ.)
- Masevich, A. Ts., Zakharov, V. P.** Frequency Behavior of Color Adjectives in Russian Poetic Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 21–48. (in Russ.)
- Mayzina, A. N.** The semantic field of color designations of the Altai language in comparison with the Mongolian language: Diss. for a PhD. Gorno-Altaysk, 2006, 208 p. (in Russ.)
- Musaev, K.** Pratyurk names of the sky. In: 90 years to N. A. Baskakov. In: *Studia philologica RAS FL*. Moscow, 1996, p. 169–179. (in Russ.)
- Ozgen, E., Davies, I. R.** Turkish color terms: tests of Berlin and Kay’s theory of color universals and linguistic relativity. *Linguistics*, 1998, vol. 36/5, p. 919–956.
- Roberson, D., Davies, I., Davidoff, J.** Color categories are not universal: replications and new evidence from a stone-age culture. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2000, vol. 129 (3), p. 369–398.
- Sapiga, E. V.** Color designations in modern linguistics: semantic and semiotic aspects. *Education and Pedagogical Sciences*, 2016, no. 2, p. 190–198. (in Russ.)
- Sevortyan, E. V.** Etymological dictionary of Turkic languages. Moscow, Nauka, 1974, 349 p. (in Russ.)
- Tanieva, J.** Symbolism of color as a carrier of cultural codes. *Prostor*, 2010, no. 5, p. 162–164. (in Russ.)
- Tyuntешева, E. V., Shirobokova, N. N., Kolosova, T. A., Selyutina, I. Ya.** Man and his world in the mirror of phraseology (Based on the material of the Turkic languages of Siberia, Kazakh and Kyrgyz). Novosibirsk, Lyubava, 2006, 183 p. (in Russ.)
- Vezhbitskaya, A.** Language, Culture, Cognition. Moscow, Russian dictionaries, 1997, 416 p. (in Russ.)
- Zharkynbekova, Sh. K.** Color – consciousness – mentality: reconstruction of the color picture of the world in the Kazakh and Russian linguistic cultures. Astana, 2011, 187 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
20.07.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors

Абжапарова Майя Даулетовна, исследователь, преподаватель-исследователь Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Maiya D. Abzhaparova, Teaching Researcher, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

maiya7_7_787@mail.ru

ORCID 0000-0003-4828-3110

Широбокова Наталья Николаевна, доктор филологический наук, профессор, заведующая сектором языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Nataliya N. Shirobokova, Doctor of Philology, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-9016-912X